

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ

БАТЫГИН: СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ТАНГО

Кто из обществоведов СССР и новой России не знал Геннадия Семеновича Батыгина?

Его знали все. Студенты, преподаватели, лекторы общества «Знание», академические ученые. Батыгин был человеком серьезной научной репутации. Экспертом. Знатком.

Но, одновременно, эта его профессиональная диспозиция не ощущалась как нечто заоблачное и эзотерическое. Он не был человеком из мраморной башни. Батыгин был мастеровым. Как, скажем, живущий рядом с тобой печник, столяр-краснодеревщик или кузнец. Ты хорошо знаешь и ежедневно видишь этих людей, они житейски доступны и душевно понятны. Они живут так же, как и все иные. Но они — люди с секретом. Наблюдая при случае их профессиональную работу, — наблюдая с упоением, — понимаешь, что она равным образом и проста, и загадочна. Она неповторима — и в замысле, и в общих контурах, и в деталях. Чтобы такому мастерству научиться, нужны мегатонны времени и усердия. И всё равно не сумеешь работать именно так, как они.

Таким особым мастером был, несомненно, Батыгин. Мастером спокойного и качественного мышления. Мастером простой, чистой, глубокой фразы. Мастером краткого, но плотного и весомого высказывания. Повторять интеллектуальный и риторический дискурс Батыгина — бессмысленно. Подражать ему — невозможно. И в этом тот сакраментальный «секрет мастера», который выше логики. Выше простого понимания.

Но бывают в жизни ситуации и обстоятельства, когда тебе внезапно становится понятной механика некоторых творческих движений такого рода людей. В нашей совместной с Геннадием Семеновичем биографии (биографии, к сожалению, краткой — я ежедневно общался с ним не более года) был такой, отчасти курьезный, эпизод.

В 1998 году я поступил в качестве слушателя в Московскую высшую школу социальных и экономических наук («Шанинку»). К тому времени я уже семь лет был доктором наук. Но я был к тому же членом крестьяноведческой команды Теодора Шанина, в составе

Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саратовского института Российского государственного торгово-экономического университета. Адрес: 410052, Саратов, ул. Международная, д. 24.
Электронная почта: vgrape47@yandex.ru

которой в течение десяти лет изучал сельскую глубинную Россию, подолгу живя в поволжских деревнях и кубанских станицах. На финише экспедиции Теодор предложил всем нам пройти британскую магистратуру в МВШСЭН. Дескать, после полевых скитаний нам нужна библиотека и письменный стол с компьютером. «Это будет нелишне...» — кратко подытожил Шанин свое предложение.

Как и многие иные специалисты, труды Геннадия Семеновича я читал и, по необходимости, цитировал. Но живого Батыгина я увидел впервые на собеседовании в Московской школе — он был в те поры деканом социологического факультета. Первые запомнившиеся слова, сказанные мне, были таковы: «Валерий Георгиевич, вы — наш школьный казус. Кандидаты наук к нам поступают, но вот чтобы доктора... Придется с вами повозиться».

И эта педагогическая возня, похожая скорее на сложный и красивый танец, началась. Батыгин начал постепенно образовывать команду (и меня в особенности — я же был «казусом»), поступившую на социологический факультет в качестве слушателей «Шанинки». Стал исподволь учить социологическому ремеслу. И делал он это очень просто. Кроме чтения курса по методологии социологических исследований, он регулярно давал читать рукописи статей, присылаемых в его «Социологический журнал». «Это вам — для контрольного чтения...» — почему-то смущенно говорил Батыгин, вручая мне очередную порцию текстов. Я обычно высказывался по поводу тем и идей, но более всего напирал на редактуру — на качества текста как информационно-эстетического изделия. Мне это нравилось. Батыгиным это поощрялось. И это, кроме всего прочего, рассматривалось Геннадием Семеновичем как внеаудиторная форма практикума по его курсу научного редактирования.

И как-то само собой получилось, что Геннадий Семенович начал давать мне для чтения его собственные статьи — и новые, и давно написанные. Причем давать не как оттиски из журналов, а, что называется, с верстака, из своих рук — в виде пачки листов формата А4. И то верно, так автор воспринимается гораздо свежее и непосредственнее.

И вот однажды, зимним вечером, я, сидя в своей одноместной конуре на восьмом этаже студенческого общежития МГПУ на Юго-Западной, взял в руки страницы, накануне вытянутые из библиотечного принтера «Шанинки». Так, смотрю — статья: Батыгин Г.С. «Ремесло Пауля Лазарсфельда: введение в научную биографию». Лет пять тому я уже видел этот текст, но внимательно начал читать впервые. Замечательно красивый эпиграф из Райнера Мария Рильке. Умный, спокойный, чистый, наполненный людьми, мыслями и укрощенными (по-батыгински) эмоциями, текст. И вот где-то ближе к середине текста читаю очередные фразы и вдруг застаиваюсь. Глаз сигналит о каком-то непорядке. Что-то не так... Но ведь у Батыгина не может быть «что-то не так»! Это я уже усвоил.

Н-да... Читаю это место еще раз: «Социология — это процедура анализа данных о людях или их организациях. Пауль Лазарсфельд был раб процедуры, примерно так же, как всеильный джинн является рабом кувшина. Процедура выполняет в науке примерно ту же роль, что обряд в религии, или уголовно-процессуальный кодекс в доказывании вины. Если не соблюдена процедура, вывод не может считаться легитимным, то есть научным. Для психолога и социолога человек — *ис-пытуемый*, и “кодекс” проведения эксперимента — критерий профессиональной легитимности ученого. В социологии вопрос “Зачем кружится ветер в овраге?..” может — в принципе — быть включен в ее тематическое пространство, правда, это будет социология особого рода».

А, вот оно что! Ошибся Батыгин. Ошибся в цитировании. Слова похожие перепутал. Надо заметить, что накануне, на занятиях по практической стилистике, которые вел именно Геннадий Семенович, мы изучали тему «Паронимы и паронимия». Надо также сказать, что лингвистический слух сильно обостряется после таких лекций-семинаров Геннадия Семеновича. И литературная память освежается. Так вот, «Зачем кружится ветер в овраге?..» — нет таких слов у Пушкина. Нет именно такого сочетания лексем! Батыгин ошибся!

Что делать? Как сказать ему об этом? И надо ли это говорить?

Случай подвернулся в скором времени. На очередном занятии по стилистике и научному редактированию Геннадий Семенович вежливо внушал нам, что даже если ты по разным причинам не ссылаешься в тексте на цитируемый первоисточник, то ты, как добросовестный автор, обязан его вычитать. Проверить. Убедиться. Впрочем, заметил он, ссылаться необходимо всегда — либо под страницей, либо за текстом. Исключениями могут быть только цитаты из Священного Писания. Ссылки на Библию принято помещать внутрь твоего текста. И тут же показал, как это можно сделать, — написал на зеленой аудиторной доске цитату из Евангелия от Матфея и сослался на источник. Я тотчас все это законспектировал: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13:12). Геннадий Семенович, как я узнал позже, в то время начинал формулировать свой весьма проницательный и актуальный (особенно сегодня) текст: «Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта)». И как раз этому тексту предпослана та самая, написанная мелом на доске, горькая максима евангелиста Матфея. Таким образом, дисциплина цитирования была в тот раз ощутимо подтянута и закреплена, как хорошая инструментальная оснастка мастерового человека.

И вот занятие закончилось. Мы, по обыкновению, вышли под лестницу, слева от центрального входа в Московскую школу, и закурили. Начали трепаться. О, как прекрасны и поучительны бывают эти

неторопливые беседы! И почему-то повывелись они из обихода в последнее время. И это — тоже некий социологический индикатор, вероятно...

— Геннадий Семенович, а каков точный смысл глагола «кружиться»? — спросил я с самым невинным видом.

Батыгин, как правило, относился к такого рода вопросам серьезно. Он уважал язык. Он постоянно думал о языке.

— Надо бы у Ожегова уточнить... А может, лучше — у Даля... Но у Даля вряд ли будет это словечко — словарные задачи у Владимира Ивановича были иные...

Кстати, Батыгин оказался прав: Даль не включил это слово в свой труд. И продолжал:

— Ну, «кружиться» — это, скорее всего, совершать круговые движения. Кружиться в танце, например. В аргентинском танго... А почему вы спрашиваете?

Я продолжаю допытываться:

— А глагол «крутиться»? Это синоним для «кружиться»? Или есть разница?

Батыгин спокойно и рассудительно, пока еще не догадываясь о подвохе, отвечает:

— Конечно, есть. Или, вернее, должна быть. Язык исторически избавляется от совсем уж дублетных лексем... Язык — вещь экономная, в сущности. А «крутиться» — это примерно то же самое, что «кружиться». Но когда ты кружишься, это происходит обычно в пространстве. В широком поле. А крутиться-вертеться приходится на одном месте. Вокруг оси. На пяточке... Как в народе говорят: «Хочешь жить — умей вертеться». Но ведь не кружиться! Это ведь прыгунья-стрекоза пела и кружилась...

Тут Батыгин весело захохотал, радуясь, как всё точно сходится и прилаживается в русском языковом хозяйстве.

И в этом месте разговора я отважился прояснить свой нахальный замысел и начал, как сейчас выражаются, финализировать свою незамысловатую, безусловно шутливо-беззлобную, но все же антибатыгинскую интригу.

— Вот вы, Геннадий Семенович, сегодня долго нам объясняли и велели, что надо, мол, вычитывать цитаты. Тем более ответственных авторов. Тем более — прецедентные тексты. А сами, прошу прощения, этим правилом манкируете...

Батыгин насторожился:

— А что вы имеете в виду?

Я говорю небрежно:

— А вот статья про мастерство Лазарсфельда — вы мне ее на днях вручили для чтения. А там ведь есть невычитанная цитата... Причем — какая!

— Да быть такого не может!

— Может, может! К тому же, Геннадий Семенович, это действие совершено вами при отягчающих обстоятельствах. Вы ведь Пушкина Александра Сергеевича по-своему переиначили... Из «Египетских ночей»...

Не более полусекунды удивленного недоумения, и вдруг Батыгин понял всё. Надо было видеть его в ту минуту. Он швырнул сигарету мимо урны и закусил рукав. Потом постучал кулаком по лбу. Потом низко поклонился. Еще раз поклонился. Не буду описывать наш дальнейший, сбивчивый и полный присоленных восклицаний, разговор. Не буду рассказывать, как в буфете мы выпили по квадратной рюмке виски и что было дальше. Но в течение примерно месяца при наших сходках в курилке Батыгин на разные лады повторял:

«Зачем *крутится* ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижимой влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его...»

И вот однажды задумчиво произнес:

— Непонятно, для чего Пушкин употребляет возвышенную форму «подъемлет» относительно древесного листа и прочего мусора? Ведь все остальные слова здесь — более-менее прозаичны... Хотя нет — тут имеется высокая стилевая параллель. Смотрите, здесь у Пушкина «влага недвижимая», а не просто «тихая». Или — «спокойная вода»... Эх, Валерий Георгиевич, тяжек наш лингвистический промысел! Но — интересен!..

И, заблестев мальчишескими глазами, засмеялся.

Это было в феврале 1998 года — ровно тринадцать лет назад...